

The Problem of Social Inequality in the Republic of Korea in 20th-21st Centuries

Проблема социального неравенства в Республике Корея в XX-XXI вв.

¹Хренов Валентин Валерьевич,

²Орлова Ангелина Сергеевна

Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

Автор, ответственный за переписку:

val-khrenov@yandex.ru

¹<https://orcid.org/0000-0001-7632-6056>

²<https://orcid.org/0009-0000-9094-8345>

¹Valentin V. Khrenov,

²Angelina S. Orlova

Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

Corresponding author:

val-khrenov@yandex.ru

¹<https://orcid.org/0000-0001-7632-6056>

²<https://orcid.org/0009-0000-9094-8345>

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-23-2025-104-119](https://doi.org/10.24412/2686-9675-23-2025-104-119)

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования является процесс изменения социально-экономической структуры Республики Корея в различных сферах жизни через призму социального неравенства.

Актуальность темы данной статьи определяется тем, что Республика Корея сталкивается с серьезными вызовами, связанным с возросшим уровнем социального неравенства. Социальное неравенство проявляется не только в материальной сфере, а преследует южнокорейцев на протяжении всей жизни во всех ее проявлениях. Многие страны, где сейчас неравенство достигает высокого уровня, уже сталкиваются с кризисом в различных секторах экономики. Несмотря на позитивный образ Республики Корея, который большинство из

ABSTRACT

The subject of the study is the process of changing the socio-economic structure of the Republic of Korea in various spheres of life through the prism of social inequality. The relevance of the topic of this article is determined by the fact that the Republic of Korea is facing serious challenges related to the increased level of social inequality. Social inequality is manifested not only in the material sphere but also haunts South Koreans throughout their lives in all its manifestations. Many countries where inequality is currently at a high level are already facing a crisis in various sectors of the economy. Despite the positive image of the Republic of Korea, which most of us perceive through the prism of popular culture, the Korean wave, and many examples of the successful

нас воспринимают сквозь призму массовой культуры, корейской волны и множество примеров успешного развития высокотехнологичной экономики этой страны, можно увидеть явные диспропорции как в экономическом развитии, так и благосостоянии граждан. Поэтому данная проблема в контексте развития Южной Кореи нуждается в дальнейшем исследовании.

Новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении проблемы социального неравенства в Республике Корея. Был проведен анализ основных факторов формирования и роста социального неравенства.

Ключевые слова. Социальное неравенство, южнокорейское общество, социальные проблемы, социальная дискриминация, Республика Корея

Для цитирования: Хренов В.В., Орлова А.С. Проблема социального неравенства в Республике Корея в XX-XXI вв. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (2). С. 104–119 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-104-119>

Республика Корея стала одной из тех стран мира, которые показали пример форсированного экономического роста, проведя масштабные реформы в различных сферах жизни. Эта страна примечательна тем, что буквально за столетия она смогла выйти из списка самых бедных государств на планете, повысив уровень жизни населения. Такой прорыв в развитии часто называют «корейским чудом»,

development of the country's high-tech economy, one can see clear imbalances in both economic development and the well-being of citizens. Therefore, this problem in the context of South Korea's development needs further investigation.

Keywords. Social inequality, South Korean society, social problems, social discrimination, Republic of Korea

For citation: Khrenov V.V., Orlova A.S. The Problem of Social Inequality in the Republic of Korea in 20th-21st centuries. *Modern Oriental Studies*. 2025; Volume 7 (№2). P.104-119 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-2-2025-104-119>

ведь уже в конце XX в. Республика Корея вошла в число самых быстро развивающихся стран мира. Однако по мере экономического роста многие страны сталкиваются с такой проблемой, как социальное неравенство по самым разным показателям, и Южная Корея, включенная в глобальную экономическую систему, здесь не стала исключением.

Одним из важнейших аспектов неравенства является неравенство экономическое, которое представляет собой явление, когда экономические единицы, то есть частные лица, целые домохозяйства, компании и т.д., распределяются по уровню доходов в результате изменений в их внутренней и внешней среде. Различие экономического положения определяется разными возможностями, уровнем образования и здоровья. Из-за неравенства, превышающего допустимые пределы, возникает опасность возникновения социальной напряженности, что перерастает в конфликты как на уровне народа, так и на уровне государства.

Самым базовым и общепринятым показателем распределения доходов во всех странах мира является коэффициент Джини. Чем он выше, тем больше разрыв между доходами самых богатых и самых бедных людей страны. Он может колебаться от 0 до 1, но также часто выражается в процентах. Так, для Республики Корея индекс Джини на 2023 г. составляет 35,4% [Gini coefficient by country 2023], что примерно равно индексу таких стран, как Австралия, Япония, Канада, Италия, Пакистан, Судан и т. д. Таким образом, данный коэффициент не имеет ничего общего с уровнем развития экономики страны, потому что страны с высоким доходом и страны с низким доходом могут иметь примерно одинаковые показатели.

Принято считать, что самой важной точкой отсчета, которая послужила резкому росту социального неравенства в Республике Корея, стал финансовый экономический кризис 1997–1998 гг., который затронул все страны Азиат-

ского региона, в особенности Южную Корею, из-за тесной взаимосвязи между южнокорейской воной и американским долларом. Однако, прежде чем перейти к анализу влияния кризисных проявлений на всю социально-экономическую структуру страны, необходимо исследовать более ранние проявления социальной поляризации на Корейском полуострове, т. е. рассмотреть социальную структуру периода Чосон (1392–1897 гг.) и найти корни современного южнокорейского неравенства в чосонской сословной системе.

Общество Чосон было обществом строгой социальной иерархии и сословий. У людей были разные социальные роли в зависимости от того, к какому сословию они принадлежали, к тому же между ними существовала «высокая стена», которую ни при каких условиях нельзя было преодолеть. Каждый человек старался довольствоваться тем, кем он является и что имеет.

Социальный статус в раннем Чосоне был представлен двумя основными категориями: янмин и чхонмин. Янмин соревновались за долгосрочные правительственные посты, более высокий статус в обществе, поддержание своего лучшего происхождения из поколения в поколение. Со временем сформировался исключительный правящий класс, поскольку янмин стали делиться на несколько классов. В итоге появились янбан, которые служили в бюрократических структурах государства в качестве гражданских или военных чиновников. Позже появилось сословие чунин, что означает «средние люди», которые занимали должности мелких

чиновников или хорошо обученных квалифицированных рабочих. Остальные же янмин приобрели статус простых свободных людей. Чхонмин, в свою очередь, были самым низшим социальным сословием в Корее, а позднее появилось понятие «ноби». Ноби — это обычные крестьяне, которые составляли порядка 30% от общей численности населения во времена династии Чосон [Юн Джи Ен]. Ноби могли быть куплены, проданы или подарены как движимое имущество, и их статус передавался по наследству. Некоторые южнокорейские исследователи утверждают, что ноби были настолько важны как личная собственность, что их можно сравнить с недвижимостью в современной Корее [Reiw Ho-seon]. Их использовали как рабочую силу в сельском хозяйстве. Так, в одной благородной семье число ноби могло достигать 1 тыс. человек [Юн Джи Ен].

Конфуцианское учение стало главной идеологией государства Чосон, а обучение, согласно конфуцианским нормам, являлось основой для социального продвижения. Янбаны высшего сословия учредили различные экзамены (как гражданские, так и военные), бюрократические учреждения и разработали подробные правила, ограничивающие доступ представителей низших классов к образованию и сдаче экзаменов на чиновничью должность соответственно. В Кодексе законов Чосон говорится: «Право сдавать экзамены на высшие гражданские и военные должности предоставляется всем янмин, за исключением преступников, лишенных права занимать государственные должности, сыновей лиц, из-за которых государство понесло финансовые потери, сыновей

женщин, которые повторно вышли замуж или прелюбодействовали, а также сыновей наложниц» [Reiw Ho-seon].

Однако уже в поздний период Чосон, по сравнению со средним периодом, простым людям и крестьянам стало уделяться больше внимания со стороны государства, они перестали быть настолько угнетенной частью общества. Происходило это потому, что экономическая мощь янбан постепенно стала снижаться. Классовый порядок и дискриминация сильно пошатнулись. Так, например, ноби могли сбежать от своих хозяев и начать более свободное существование. К тому же профессия стала более важным фактором статуса, чем социальное сословие. Однако случаи перехода на более высокую ступень социальной иерархии даже тогда были нечастыми. Напротив, многие янмин, которые столкнулись с финансовыми трудностями в конце периода Чосон, продавали себя в личное пользование в качестве ноби.

Безусловно, такая социальная система периода Чосон значительно отличается от социальной системы современной Южной Кореи, однако те черты, которые были ей присущи, формируют не только облик сегодняшней Республики Корея, но и отношения внутри различных социальных групп, будь то семья, школа или рабочий коллектив. Конфуцианство сыграло в данном случае решающую роль — четко определенная иерархия, большие трудности в процессе социальной мобильности, наследственность социального статуса и привилегий по сей день являются тем, что поддерживает растущее социальное неравенство в Республике Корея. И неравенство заключается не только

в разном уровне доходов, но еще и в дискриминации, притеснении со стороны власть имущих, страхом перед тем, кто стоит выше по должности и т. д. Об этом пишут и сами корейцы, вспоминая атмосферу, в которой им приходится работать: «Когда вы читаете о ноби в период Чосон, то невольно на ум приходят трудящиеся нашего нынешнего общества. Конечно, современные люди не порабощены, они работают в гораздо лучших условиях, чем в прошлом. Однако суть работы не изменилась: сейчас работники, как и ноби в эпоху Чосон, буквально получили свои жизни от своих работодателей» [Юн Джи Ен].

Таким образом, истоки социального неравенства в южнокорейском обществе лежат в социальной структуре периода Чосон. Конечно, нынешнее социальное неравенство, которое имеет место быть в Южной Корее, является гораздо более комплексным понятием, чем сословия периода Чосон, однако его принципы развития с четкой социальной иерархией заложены в основу современного государства.

Переходя к анализу того, как социальное неравенство начало проявлять себя в разных сферах жизни современного южнокорейского общества, следует отметить несколько ключевых аспектов экономики вскоре после образования отдельного государства на юге Корейского полуострова. Ориентация производства на отрасли легкой промышленности и феноменальный рост наряду с высокой конкурентоспособностью отечественных товаров в 1960-х гг. сменились в 1970-х гг. усилением мощи знаменитых сегодня на весь мир финансово-промышленных конгломератов чеболей. Ставка

была сделана на тяжелую промышленность. Около пятидесяти чеболей производили почти половину ВВП страны [Иванов, С. 67], что способствовало институционализации коррупции. Для 1980-х гг. характерен быстрый рост производства в области высоких технологий, экспортоориентированность, а также предоставление работодателем гарантии пожизненного найма своим работникам, трудившимся за не очень высокую заработную плату. Наконец, в 1990-е гг. развитие экономики Южной Кореи перешло из стадии индустриализации в стадию модернизации и неолиберализации [Иванов, С. 68], когда финансовые рынки и рынки труда получили больше свободы, а корейские компании стали ориентироваться в своем развитии на глобальный рынок.

До этих пор Республика Корея, несмотря на свой быстрый экономический рост, была одной из немногих развивающихся стран Азии с относительно равномерным распределением доходов. Так, в период с 1965 по 1993 гг. не наблюдалось существенных изменений в распределении расходов населения [Lee Hyun-hoon, P. 4], при этом доходы всех групп населения росли примерно одинаковыми темпами: у 90% беднейших слоев населения темпы роста заработной платы были такими же, как и у представителей верхушки [Koo Ha-gen, P. 11]. Распределение доходов меняется вместе с уровнем безработицы, а в течение 20 лет, предшествовавших Азиатскому финансовому кризису 1997-1998 гг., уровень безработицы в Республике Корея был очень низким по сравнению с другими странами, что и объясняет низкий индекс неравенства [Kang Seog-hoon,

Р. 23]. Более равномерному распределению доходов также способствовало развитие начального и среднего образования.

Придя к власти в 1987 году, администрация Президента Ро Дэ У приняла закон о минимальной заработной плате и внедрила национальную пенсионную программу для работников частного сектора. В свою очередь, правительство Президента Ким Ён Сама ввело систему социального страхования по безработице и распространило введенную ранее пенсионную программу на фермеров и рыбаков [Lee Hyun-hoon, P. 12]. Тем самым можно говорить о достаточном внимании государства к распределению доходов и проблеме бедности.

Событием, которое стало отправной точкой усиления социального неравенства, стал Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., когда произошло стремительное падение производства, финансовая инфраструктура ослабла, а многие крупные компании обанкротились (из 30 крупнейших финансово-промышленных групп перестали существовать 11) [Ким, С. 183]. В рамках политики Международного валютного фонда, направленной на стабилизацию валютного курса, процентные ставки были резко повышены более чем на 10%, и, как следствие, число банкротств предприятий всего за один месяц (с ноября по декабрь 1997 г.) возросло с 1469 до 3197, а ВВП страны упал на 5,8% в 1998 г. после роста на 5% в 1997 г. [Kwang Soo-cheong, P. 40]. Тогда правительство Республики Корея вынуждено обратиться в Международный валютный фонд для стабилизации экономической ситуации, однако для получения помощи

стране пришлось пойти на проведение структурных экономических реформ [Ан Чхунён].

Большинство потерявших работу во время кризиса были работниками финансового сектора, так как именно он пострадал больше всего – множество банков оказались за гранью финансирования, поэтому мелкие банки были объединены в более крупные, а некоторые просто обанкротились и перестали функционировать. Кризис безусловно отразился и на заработной плате работников: среднегодовая зарплата, которая увеличилась на 11,9% в 1996 г. снизилась на 2,5% в 1998 г., однако уже в 1999 г. уровень зарплат увеличился на 12% [Kwang Soo-cheong, P. 43].

Несмотря на серьезные последствия кризиса, южнокорейская экономика оправилась от потрясений за относительно небольшой период времени. Исследователи называют это явление «V-образным восстановлением». Признаки экономического подъема были очевидны уже в середине 1998 г., когда восстановилось частное потребление домашних хозяйств, а инвестиции в основной капитал набирали прежние обороты. ВВП и средняя заработная плата начали расти, уровень безработицы и количество банкротств снижались в течение 1999 г. вслед за снижением процентных ставок во второй половине 1998 г. [Kang Seog-hoon, P. 25]. Правительство Республики Корея сыграло отнюдь не последнюю роль в восстановлении экономики страны. Так, был осуществлен ряд антикризисных мер и политических реформ в финансовой системе, корпоративном секторе, на рынке труда, системе социальной защиты

и государственном регулировании экономики. Прежде всего, правительство страны расширило участие государственного бюджета в экономическом развитии.

Однако даже несмотря на общее улучшение, южнокорейская экономика не смогла приобрести докризисный облик. Социальное неравенство не только увеличилось в численном выражении, но существенно изменилась и его структура по причине активного вовлечения страны в глобальное экономическое пространство. После кризиса произошло множество структурных сдвигов в занятости корейского населения. Так, в Южной Корее все более четко стала прослеживаться социальная поляризация: множество представителей среднего класса столкнулись со снижением зарплат, поэтому стали переходить в разряд бедного населения, постоянные работники переводились на неполную занятость, что способствовало притоку иностранных рабочих.

После финансового кризиса доля доходов среднего класса существенно снизилась как по абсолютной величине, так и по отношению к богатым, при этом значительно снизившись по отношению к бедным. Так, в 1999 г. самые богатые домохозяйства стали примерно в 10,3 раза богаче самых бедных групп населения, при этом они увеличили свои доходы в 6,7 раза по сравнению с докризисными временами [Kwang Soo-cheong, P. 50]. Однако показательно то, что уровень расходов на потребление товаров и услуг как богатыми, так и бедными после финансового кризиса не изменился при одновременном росте уровня доходов населения. Это

послужило причиной для еще большей концентрации капитала в руках самой богатой части населения страны.

Кроме того, на ухудшение распределения доходов повлияли не только экономические факторы, но и демографические сдвиги в 2000-х гг., такие как снижение рождаемости из-за переориентации большого количества женщин на получение образования и профессиональную карьеру, старение населения, уменьшение количества людей, желающих работать в сфере промышленности.

Неравенство доходов, с которым сталкивается пожилое население Южной Кореи, является более серьезным, чем в любой другой возрастной группе. Так, по оценкам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) 2020 г. уровень бедности среди людей старше 65 лет был равен 0,4 или 40% [Poverty rate]. Хотя он несколько меньше показателя 2013 г. — 48,1% [Ku In-hoe, P.684], данный показатель остается самым высоким среди всех стран, входящих в ОЭСР. По данным бюджетного управления Национального собрания, общий объем резервов Национальной пенсионной службы достигнет нуля уже в 2054 году, при том, что число получателей национальных пенсий, вероятно, продолжит увеличиваться, а количество налогоплательщиков, наоборот, будет неуклонно уменьшаться [Jung Suk-yee]. При этом уровень занятости среди пожилого населения остается на достаточно высоком уровне, и по состоянию на 2022 г. этот показатель для людей в возрасте 65–69 лет в Южной Корее составил 50,4%, что было вторым по величине

показателем среди членов ОЭСР после Японии (50,9%) [Каждый второй человек в возрасте 76 лет...]. Можно только догадываться о том, насколько низко оплачивается труд пожилых людей в Южной Корее, если они, даже работая, остаются самой бедной частью населения.

К тому же, доля пожилых людей, живущих самостоятельно, выросла с 36,8% в 1995 году до 58,2% в 2015 г. [Ku In-hoe, P. 686]. Это важный показатель, потому что в прошлом финансовая поддержка пожилых людей рассматривалась как моральная обязанность взрослых детей. Несмотря на то, что в современной Южной Корее проживание детей с их пожилыми родителями помогает вторым преодолеть порог бедности, сегодня многие корейцы считают, что ответственность за поддержку пожилых людей должна быть разделена между правительством, семьей и самими пожилыми людьми. Очень резкий скачок в статистике доли граждан, считающих, что семьи должны оказывать поддержку пожилым людям, произошел около 10 лет назад: доля снизилась с 89,9% в 1998 году до 31,7% в 2014 году [Ku In-hoe, P. 686]. Это вызвано тем, что самим детям пожилых родителей иногда самим удается с большим трудом справляться с финансовыми проблемами, к тому же многие стараются переезжать ближе к столичному региону и в сам Сеул, где больше рабочих мест, чем в провинциях, из-за чего они не могут часто навещать своих родителей.

Численность экономически активного населения по состоянию на апрель 2024 г. от 15 лет и старше в Республике Корея составляет

29,06 млн чел, что равно 64% от общей численности населения данной возрастной группы, а экономически активного населения, которое не занято на работе, всего 3,1%. Этот показатель достаточно положительный и коррелирует со снижением уровня безработицы до 2,4% [Общая численность экономически активного населения]. Однако не все так однозначно, поскольку в Южной Корее наблюдается дефицит рабочей силы в важнейших отраслях производства, который компенсируется притоком мигрантов.

Еще одной проблемой, показывающей растущее социальное неравенство после кризиса 1997–1998 гг., стало несправедливое перераспределение собственности, в частности недвижимости. По состоянию на 2006 г. 1% наиболее обеспеченных жителей страны имели в своем распоряжении 51,5% всех частных земель [Ким, С. 183].

Во время Азиатского финансового кризиса владельцы малого бизнеса серьезно пострадали от резкого повышения процентных ставок и сокращения потребительского спроса. Так, в период с декабря 1997 г. по июнь 1998 г. число работодателей сферы малого бизнеса, в чьих компаниях трудилось менее пяти человек, сократилось с 13,5% до 1,42%. Но число самозанятых лиц увеличилось с 4,3 млн в июне 1997 г. до 4,5 млн в июне 1999 г., так как многие из ранее уволенных работников решили открыть свой малый бизнес. Многие белые воротнички и управленческие работники, которые были уволены, не нашли альтернатив на рынке труда и решили начать новое дело, зачастую

практически не имея опыта ведения бизнеса. В основном эти самозанятые уходили в пищевое производство, открывая самые разные виды закусочных, в которых конкуренция была чрезвычайно высокой, поскольку жители Южной Кореи все чаще стали питаться вне дома. Многие из тех, кто начал свой небольшой стартап, потерпели неудачу и потеряли огромные сбережения, изначально предназначенные для выхода на пенсию [Нуриева, С.154]. В свою очередь чеболь в постоянно захватывали сектор малого бизнеса: рестораны и бары, супермаркеты и предприятия сферы услуг все чаще переходили под контроль огромных сетевых магазинов, управляемых крупными компаниями. Естественно, что в таких рыночных условиях процент банкротств стал очень высоким, а уровень доходов самозанятых — очень низким. Согласно национальной статистике Республики Корея, начиная с 2000 г. более половины открываемых малых предприятий становятся банкротами в течение трех лет после открытия [Koo Ha-gen, P. 11].

Финансовый кризис дал возможность не очень состоятельным людям страны увеличить свой капитал, а в некоторых случаях даже стать на одну из самых высших ступеней социальной стратификации. Малоимущие же слои населения, столкнулись с еще большей нехваткой средств к существованию. Некоторое улучшение ситуации произошло в 2009 г., когда рост доходов бедных по темпам превысил рост доходов богатых. С 2009 по 2010 гг. доходы самых бедных слоев населения увеличились примерно на 8%, в то время как рост доходов самых богатых был ниже и составил примерно 5,5%.

Однако снижение неравенства в доходах носило временный характер и было возможно благодаря проекту «Надежда и работа», который был реализован в 2009-2010 гг. и способствовал созданию рабочих мест для людей с низким уровнем дохода [Lee Hae-young, P. 99].

Средний показатель располагаемого дохода среднего класса (включающий в себя социальные льготы, такие как пенсии и субсидии) за последние 10 лет увеличился и в 2023 г. 61,1% южнокорейцев относились к среднему классу. При этом стоит отметить, что Статистическое управление Республики Корея к среднему классу относит людей, зарабатывающих от 50 до 150 процентов среднего дохода страны [Lee Sang-ryeol]. Поскольку средний ежемесячный доход семьи из четырех человек в 2022 г. составлял 5,3 млн вон, то семьи, чей доход составляет от 2,7 до 7,9 млн вон в месяц, можно считать относящимися к среднему классу. Однако многие корейцы не согласны с таким определением среднего класса, потому что немалую роль здесь играют субъективные факторы. Ведь нижняя граница дохода среднего класса в 2,7 млн вон лишь незначительно превышает минимальную заработную плату в 1,8 млн вон в месяц, поэтому такой уровень дохода не позволяет человеку чувствовать свою экономическую стабильность. Именно поэтому согласно опросу, проведенному в 2022 г., 45,6% представителей среднего класса на самом деле считали себя бедными [Lee Sang-ryeol].

Финансовые проблемы простых людей и компаний малого и среднего бизнеса остаются актуальными и по сей день. Корейские домохозяйства сейчас сталкиваются с рекордным

уровнем долгов [Kwang Soo-cheong, P. 54]. Люди в возрасте от 30 до 40 лет являются наиболее уязвимой группой из-за многочисленных ипотечных кредитов, которые могут в итоге привести к жилищному кризису, что в свою очередь может стать причиной увеличения числа бездомных людей.

Показательно и то, как разные категории населения говорят о бедности. По результатам опроса, 20–40-летние считают, что люди сталкиваются с бедностью из-за недостатка усилий (30% опрошенных) и из-за тех внешних факторов, которые препятствуют улучшению благосостояния (другие 30%). А вот люди старше 50 лет посчитали именно недостаток усилий главной причиной бедности (40%), а за то, что к бедности приводит внешняя среда, проголосовали всего 20% из них. Согласно ответам состоятельных людей получается, что, если в 1993 г. 70% богатых считали именно собственные усилия и способности в качестве обязательного условия благосостояния, то в 2019 г. 57% посчитали, что именно семейное происхождение влияет на хорошую безбедную жизнь [Восприятие бедности, 1990–1923]. Но здесь не все так однозначно, поскольку в Южной Корее очень высока конкуренция за лучшее место в жизни, и чтобы выйти из бедственного положения не всегда достаточно быть умным и иметь хорошее образование. Так в Сеуле был проведен опрос общественного мнения относительно реалистичности фильма «Паразиты». Все говорили о том, что фильм хоть и насыщен странными поворотами событий, все же показывает Южную Корею такой, какая она есть. Один из респондентов высказался: «Я не ду-

маю, что все события, происходившие в фильме, точно передают корейскую реальность, но то, что фильм отражает, социальные проблемы, это правда. Социальная стратификация между экономическими классами существует. И я сам осознаю и чувствую эти разделения и разграничения. Я думаю, что существует недостаток во взаимодействии между различными социально-экономическими классами. Я считаю, что они даже не пытаются понять друг друга» [Koreans react to the movie Parasite]. И то, что они действительно не всегда могут понять друг друга, подтверждает 57% богатых, считающих, что успех равен только приложенным усилиям, опровергая существование других вышеупомянутых факторов.

Помимо экономического неравенства, население Республики Корея подвергается различным видам социальной дискриминации. Например, по национальному признаку. Так, статья 37 Конституции страны гласит, что «свободы и права граждан не могут не соблюдаться на основании того, что они не перечислены в Конституции» [Конституция Республики Корея]. Использование такого рода терминов можно наблюдать в тексте всей Конституции, когда упоминаются не все люди, а только граждане. Говоря о статусе иностранных граждан, в пункте 2 статьи 6 закреплено: «государство гарантирует, что иностранным гражданам будет предоставлен статус, установленный международным правом и международными соглашениями» [Конституция Республики Корея]. Казалось бы, что такие законодательные нормы вполне соответствуют развитому демократическому обществу, а Южную

Корею действительно можно считать государством социальным. Однако приведенные выше нормативные акты не всегда отражают реальность, так как в этой стране национальная дискриминация остается насущной проблемой.

Даже если не делать акцент на иностранных гражданах, дискриминации подвергаются и сами корейцы. Так, так называемые «чхинильпха», т.е. корейцы, которые работали в японской колониальной администрации и занимавшие должности в госаппарате Японской империи в колониальный период, повсеместно отвергаются обществом, а само слово «чхинильпха» носит негативный оттенок [Павлова, С. 122].

Конечно, как и в большинстве современных государств, в Республике Корея запрещена дискриминация человека в политической, экономической, социальной или культурной сферах в связи с его принадлежностью к определенному гендеру (статья 11 пункт 1) [Конституция Республики Корея]. Утверждается, что женщины имеют равные возможности с мужчинами, однако в Корее все еще сильно влияние конфуцианства, которое сформировало облик всех сфер жизни общества и многие ценности южнокорейцев. Причем такие конфуцианские ценности оказались сильно искаженными и потерявшими сквозь века свой прежний благой смысл, превознеся права мужчин выше прав женщин. По этой причине зачастую происходят случаи, показывающие, что дискриминация по половому признаку имеет место быть в корейском обществе.

Таким образом, корейское общество всегда характеризовалось сильной социально-

экономической поляризацией — еще во времена Чосон на Корейском полуострове большую роль начало играть конфуцианство в качестве главной государственной идеологии. Благодаря конфуцианским ценностям традиционная культура до сих пор проявляется во всех сферах жизни южнокорейского общества. Превосходство мужчин над женщинами, руководителей над подчиненными играют гораздо большую роль, чем в других странах, что еще больше усиливает рост социального неравенства в тех условиях, с которыми сталкивается Южная Корея. Такое неравенство в Республике Корея хорошо заметно именно в неравенстве экономическом, которое означает наличие разных возможностей для получения дохода и накопления активов для определенных категорий населения. Особенно быстро рост экономического неравенства произошел после финансового кризиса 1997–1998 гг., когда множество предприятий вынуждены были закрыться из-за банкротств, а огромное число людей были уволены с прежнего места работы.

Конец XX в. ознаменовался глобальной перестройкой в структуре общества и экономики страны. Усиленная поляризация внутри среднего класса, разрыв в уровне экономических возможностей для молодежи 1970-х гг. и молодежи 2000-х гг., а соответственно рост бедности и безработицы среди экономически активного населения страны привели к такому экономическому неравенству, о котором мало кто мог задумываться в годы «экономического чуда» Республики Корея. Новые структурные изменения еще больше закрепили превосходство огромных финансово-промышленных

групп и других фирм крупного бизнеса над малыми и средними предприятиями, тем самым усилив поляризацию работников чеболей и сотрудников небольших компаний, что выражается не только в разном уровне заработной платы, но и в разном доступе к экономическим благам, качественному здравоохранению, несоизмеримых возможностях в накоплении капитала и обеспечении лучшей жизни для будущих поколений.

Кроме того, социальное неравенство настолько сильно влияет на самих южнокорейцев, что с его ростом происходит непринятие одних людей другими. Это проявляется, прежде всего, в недоверии со стороны состоятельных южнокорейцев к тем, кому приходится каждый день бороться за то, чтобы получить хотя бы минимальные возможности для накопления капитала. Подобные случаи нередки среди тех людей, которые еще в докризисные времена получили большие возможности для улучшения собственного благосостояния и которым повезло остаться на прежнем рабочем месте. Однако такие люди отказываются учитывать факт глобальных изменений в социально-экономической структуре Южной Кореи, продолжая верить лишь в усердный труд, который решает все.

Список литературы

1. Gini coefficient by country 2023. *World Population Review*. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/gini-coefficient-by-country> (accessed 05.11.2024).
2. Юн Джи Ен (윤지연). Современное общество напоминает систему сословий прошлого (과거의 신분제를 닮은 현대사회.). *Газета женского университета Токсон* (덕성여대신문). 2024. URL: <https://www.dspress.org/news/articleView.html?idxno=5524> (дата обращения 05.03.2025). (на кор. яз.).
3. Reiw Ho-seon. Joseon society and the social class system. *National Museum of Korea*. URL: <https://webzine.museum.go.kr/eng/sub.html?amIdx=15453> (accessed 15.03.2025).
4. Иванов Д. В. По следам «тигра»: анализ траекторий социальных изменений в Южной Корее. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. № 1. 2013. С. 64–80.
5. Lee Hyun-hoon, Lee Min-soo, Park Dong-hyun. Growth policy and inequality in developing Asia: lesson from Korea. *ERIA Discussion paper series*. 2012. 33 p.
6. Koo Ha-gen. Rising inequality and shifting class boundaries in South Korea in the neo-liberal era. *Journal of Contemporary Asia*. № 1. 2021. P. 1–19.
7. Kang Seog-hoon. Globalization and income inequality in Korea: an overview. *FDI, Human capital and education in developing countries: technical meeting, 13–14 December 2001*. Paris, 2001. 38 p.
8. Ким Х. К. Корея. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. № 3 (42). 2013. С. 181–185.
9. Kwang Soo-cheong. Economic crisis and

- income inequality in Korea. *Asian economic journal*. 2011. P. 39–60.
10. Ан Чхунён. Рынок тигра: как Южной Кореи удалось построить успешную экономику. *Проектно-учебная лаборатория экономической журналистики*. URL: <https://economics.hse.ru/ecjourn/news/567538869.html> (дата обращения 22.03.2025).
11. Poverty rate. URL: <https://data.oecd.org/inequality/poverty-rate.htm#indicator-chart> (accessed 14.02.2025).
12. Ku In-hoe, Kim Chang-o. Decomposition analyses of the trend in poverty among older adults: the case of South Korea. *Journals of Gerontology: Social Sciences*. № 3. 2018. P. 684–693.
13. Jung Suk-ye. South Korea's Elderly Poverty Rate Highest in OECD. *Business Korea*. 2019. URL: <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=38882> (accessed 25.01.2025).
14. Каждый второй человек в возрасте 76 лет и старше является «бедным». Уровень бедности среди пожилых снова на первом месте в ОЭСР (76세 이상 2명 중 1명은 '가난'. 노인 빈곤율 또 OECD 1위). *KBS 뉴스 (Новостной портал KBS)*. 2023 URL: <https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=7845224> (дата обращения 22.02.2025). (на кор. яз.).
15. Общая численность экономически активного населения (연령별 경제활동인구 총괄). *Корейская служба статистической информации KOSIS (KOSIS)*. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1DA7002S&conn_path=I2 (дата обращения 21.02.2025). (на кор. яз.).
16. Нуриева А. Р., Буланова А. А. Изменение уровня неравенства в Южной Кореи в эпоху глобализации. *Современные востоковедческие исследования*. Т.2. № 3. 2020. С. 152–159.
17. Lee Hae-young, Kim Jong-sung, Cin Beom-cheol. Empirical analysis on the determinants of income inequality in Korea. *International journal of advanced science and technology*. 2013. P. 95–110.
18. Lee Sang-ryeol. The shaky Korean middle class. *Korea JoongAng Daily*. 2023. URL: <https://goo.su/5je33I> (accessed 25.02.2025).
19. Восприятие бедности, 1990–2023 (빈곤에 대한 인식, 1990–2023). *Институт общественного мнения Гэллуп (한국갤럽조사연구소)*. 2023. URL: <https://www.gallup.co.kr/gallupdb/reportContent.asp?seqNo=1418> (дата обращения 20.01.2025). (на кор. яз.).
20. Koreans react to the movie Parasite. Street interview. *YouTube*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FoTuKQVUFQQ> (accessed 07.05.2024).
21. Конституция Республики Корея. URL: <https://vseokoree.com/vse-o-koree/zakony-i-normativnye-pravovye-akty/konstituciya->

respubliki-koreya?

ysclid=impshumbua518151981 (дата обращения 07.03.2025).

23. Павлова К. В. Конституционное законодательство Японии и Республики Корея как источник и фактор преодоления социального неравенства. *Неравенство как историческая, социальная, политическая проблема*. № 1. 2011. С. 115–126.

References

1. Gini coefficient by country 2023. *World Population Review*. <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/gini-coefficient-by-country> (accessed 05.11.2024).
2. Yoon Ji-yeon. Modern society resembles the system of estates of the past. *Deoksung Yeodae Shinmun*. 2024. <https://www.dspress.org/news/articleView.html?idxno=5524> (accessed 05.03.2025). (In Korean)
3. Reiw Ho-seon. Joseon society and the social class system. *National Museum of Korea*. <https://webzine.museum.go.kr/eng/sub.html?amIdx=15453> (accessed 15.03.2025).
4. Ivanov D. V. In the footsteps of the "tiger": an analysis of the ways of social change in South Korea. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. 2013. No.1, pp. 64–80. (In Russ.)
5. Lee Hyun-hoon, Lee Min-soo, Park Dong-hyun. Growth policy and inequality in developing Asia: lesson from Korea. *ERIA Discussion paper series*, 2012, 33 p.
6. Koo Ha-gen. Rising inequality and shifting class boundaries in South Korea in the neo-liberal era. *Journal of Contemporary Asia*. 2021. No. 1, pp. 1–19.
7. Kang Seog-hoon. Globalization and income inequality in Korea: an overview. *FDI, Human capital and education in developing countries: technical meeting, 13–14 December 2001*. Paris, 2001, 38 p.
8. Kim H. K. Korea. *Vestnik mezhdunarodnykh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*. 2013. No. 3 (42), pp. 181–185. (In Russ.)
9. Kwang Soo-cheong. Economic crisis and income inequality in Korea. *Asian economic journal*, 2011, pp. 39–60.
10. Ahn Chun-yeon. The Tiger's Leap: how South Korea managed to build a successful economy. *Proektno-uchebnaja laboratorija jekonomicheskoy zhurnalistiki*. <https://economics.hse.ru/ecjournal/news/567538869.html> (accessed 22.03.2025). (In Russ.)
11. Poverty rate. <https://data.oecd.org/inequality/poverty-rate.htm#indicator-chart> (accessed 14.02.2025).
12. Ku In-hoe, Kim Chang-o. Decomposition analyses of the trend in poverty among older adults: the case of South Korea. *Journals of Gerontology: Social Sciences*. 2018. No. 3, pp. 684–693.
13. Jung Suk-yeon. South Korea's Elderly Poverty Rate Highest in OECD. *Business Korea*. 2019.

- <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=38882> (accessed 25.01.2025).
14. Every second person aged 76 and over is "poor." The poverty rate among the elderly is back in first place in the OECD. *KBS News*. 2023. <https://news.kbs.co.kr/news/pc/view/view.do?ncd=7845224> (accessed 22.02.2025). (In Korean)
 15. Total number of economically active population. *KOSIS*. https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1DA7002S&conn_path=I2 (accessed 21.02.2025). (In Korean)
 16. Nurieva A.R., Bulanova A.A. Changes of inequality in South Korea in the age of globalization. *Modern Oriental Studies*. 2020. Vol. 2. No. 3, pp. 152–159. (In Russ.)
 17. Lee Hae-young, Kim Jong-sung, Cin Beom-cheol. Empirical analysis on the determinants of income inequality in Korea. *International journal of advanced science and technology*. 2013, pp. 95–110.
 18. Lee Sang-ryeol. The shaky Korean middle class. *Korea JoongAng Daily*. 2023. <https://goo.su/5je33I> (accessed 25.02.2025).
 19. Perception of poverty, 1990-2023. *Hangook Gallup Josa Yeonguso*. <https://www.gallup.co.kr/gallupdb/reportContent.asp?seqNo=1418> (accessed 20.01.2025). (In Korean)
 20. Koreans react to the movie Parasite. Street interview. *YouTube*. <https://www.youtube.com/watch?v=FoTuKQVUFQQ> (accessed 07.05.2024).
 21. The Constitution of the Republic of Korea. <https://vseokoree.com/vse-o-koree/zakony-i-normativnye-pravovye-akty/konstituciya-respubliki-koreya?ysclid=impshumbua518151981> (accessed 07.03.2025). (In Russ.)
 22. Pavlova K. V. Constitutional legislation of Japan and the Republic of Korea as a source and factor of overcoming social inequality. *Neravenstvo kak istoricheskaja, social'naja, politicheskaja problema*. 2011. No. 1, pp. 115–126 (In Russ.)

Сведения об авторах

Хренов Валентин Валерьевич,

Кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

E-mail: val-khrenov@yandex.ru

Орлова Ангелина Сергеевна,

Востоковед-переводчик

ООО «Ресторанный центр»

620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 25

E-mail: orelina712@gmail.com

Information about the Authors

Khrenov Valentin Valeryevich

PhD in History, Associate Professor, Chair

of Oriental Studies

Ural Federal University named after the First

President of Russia B. N. Yeltsin

51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia

E-mail: val-khrenov@yandex.ru

Orlova Angelina Sergeyevna

Orientalist-Interpreter

“Restaurant Center” Ltd

25, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia

E-mail: orelina712@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.03.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.04.2025.

Принята к публикации: 10.04.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.03.2025

Approved after reviewing 02.04.2025

Accepted for publication 10.04.2025